

«Вы приобрели много знаний не по уму, так что за недостатком-то ума и не знаете, как справиться с этими знаниями».

«И сколько тут обозначилось силы духа, которого у него, соломенно-го человека, никогда не будет».

Просматривая газету «Голос» 8 января 1876 года и ознакомившись с разбором книги О. Щербинской «Чтения для детей», Достоевский обратил внимание на приведенное в статье рассуждение одного из героев книги: «Хорошему ремесленнику довольно только быть грамотным». Никак не согласившись с таким мнением, Достоевский упомянул в рабочей тетради эту статью и, приведя то размышление по памяти (а потому неточно) — «...работнику нужна только грамотность», — далее написал:

«Жизнь скучна без нравственной цели, не стоит жить, чтоб только питаться, это знает и работник — стало быть, надо для жизни нравственное занятие».

Бывало, что Достоевский записывал выражение или фразу, запавшие в его память, отнеся их к какому-либо из своих современников.

Так, кто-то сказал:

«До чего человек возбожал себя».

Достоевский записал это, поставив в конце:

«(Лев Толстой)».

Имея в виду другого литератора, Достоевский внес в ту же рабочую тетрадь выражение:

«Мятущаяся, но не логическая голова».

В рабочей тетради 1875—1876 гг. среди многих слов и словечек, записанных Достоевским, обращает на себя внимание одно слово-характеристика:

«Лгушка».

Так, видимо, писатель в сердцах окрестил одного известного в те годы критика, сотрудничавшего в журналах Достоевского «Время» и «Эпоха», а впоследствии клеветавшего на него.

В той же рабочей тетради Достоевский охарактеризовал следующим образом другого литератора:

«Этот сухощавый духом... хотя и толстый телом человек».

К писателю В. Г. Азеенко, выступавшему в 70-х годах с злобными и наглými выпадами против многих выдающихся мастеров слова, относится следующая запись Достоевского:

«Самое тупейшее литературное существо из всех населявших русскую литературу».

Об историке литературы и критике А. Н. Пыпине в рабочей тетради 1864—1865 гг. сказано:

«Г. Пыпин есть только либеральный барабан и больше ничего».

Размышляя об Эмиле Золя, Достоевский внес в записную книжку, в частности, и такие строки:

«Это, дескать, любовь к природе. Нет, это любовь к своей собственной болтовне и уверенность в своих писательских совершенствах».

Нередко Достоевский дает в короткой фразе убийственную характеристику тогдашним периодическим изданиям. О газете «Голос» он, например, так отозвался: «Голос» имеет вид дурака, которому дан голос».

А журнал «Вестник Европы» и его редактор названы в той же рабочей тетради: «либерально-пресмыкающееся издание (Стасюлевич)».

В рабочей тетради 1876—1877 гг. Достоевский дважды давал заглавие «Слова и поговорки» тому, что услышал и записал. Здесь можно прочитать:

«Мечталка».

«Все они одна другой лучше, но ни одной хорошенькой».

«Самая маленькая мысленочка».

Явно простонародные выражения легли в основу таких записей Достоевского:

«Хорошим примером человек живет».

«Язык-то не лопатка, знает, что сладко».

«Забезобразничались».

«Полтинная труппа».

«Миговое дело (минутное в смысле)».

«Пора костям на место».

«Вы думаете утонул: скоро вам надо?».

«Или если не были несчастны, то не были и счастливы».

«Это какой-то господин, имеющий вид негосподина».

«И скуп как копейка».

«Вот ты сказал, что бог справедлив, а вот и нет — богатый всегда прежде богатеет».

Из множества других выражений и афоризмов, имеющихся в неизданных записных книжках Достоевского, приведем еще несколько:

«Необузданные проекты».

«Направление, так сказать, сплетническое».

«Заграничный выкормок. Русский — заграничный выкормок».

«Галерея стариков наших: их надо перешевелить».

Еще в молодые годы Достоевский писал: «...книги — это жизнь, пища моя, моя будущность!». И никогда, даже в самые тяжелые для него времена, писатель не отступал от этого глубокого своего убеждения. Отсюда его неизменно трепетное, взволнованное отношение к языку художественной литературы, отсюда неустанные до конца его дней поиски «слов, словечек, выражений».

Достоевский.
Петербург, 1861 г.

Достоевский и казахский просветитель Ч. Ч. Валиханов.
Семипалатинск, 1858 г.

III. О русской женщине

Галерея женских образов, созданная Достоевским, вошла в сокровищницу мировой литературы. К ним, несмотря на все несходство, в некоторой степени применимо сказанное Л. Н. Толстым о тургеневских девушках: «Тургенев сделал великое дело тем, что написал удивительные портреты женщин. Может быть, таких, как он писал, и не было, но когда он написал их, они появились. Это — верно; я сам наблюдал потом тургеневских женщин в жизни».

Напомним, что и Достоевский высоко ценил некоторые из созданных Тургеневым женских образов, — и это при всех расхождениях с ним. Так, в своей знаменитой речи о Пушкине в 1880 году Достоевский говорил о Татьяне Лариной: «Это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины... Можно даже сказать, что такой красоты положительный тип русской женщины почти уже не повторялся в нашей художественной литературе — кроме разве образа Лизы в «Дворянском гнезде» Тургенева».

В том же своем выступлении Достоевский утверждал: «...русская женщина смела. Русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит».

А еще раньше, в 1876 году, Достоевский, прославляя русскую женщину в одной из своих статей, писал: «Я уже не стану указывать на обозначившиеся идеалы наших поэтов, начиная с Татьяны — на женщин Тургенева, Льва Толстого... Не стану тоже говорить, например, о декабристках, о тысяче других примеров, ставших известными. И нам ли, знающим русскую действительность, не знать о тысячах женщин, не ведать о тысячах несримых, никому невидимых подвигах их...».

В рабочих тетрадях Достоевского имеется ряд восторженных отзывов о русских женщинах, о их чудесных качествах.

Большим душевным теплом овеяны его высказывания о русской женщине в «Дневнике писателя». Так, в майском номере 1876 года Достоевский писал: «А в заключение мне хочется прибавить еще одно слово о русской женщине. Я сказал уже, что в ней заключена одна наша огромная надежда, один из залогов нашего обновления».

Говоря далее о «возрождении русской женщины», подразумевая здесь и ее роль в общественной жизни, Достоевский утверждал: «Русская женщина целомудренно пренебрегла препятствиями, насмешками. Она твердо объявила свое желание участвовать в общем деле и приступила к нему не только бескорыстно, но и самоотверженно».

А еще за три года до этого своего выступления в печати Достоевский вносит в записную книжку следующее:

«Женщина..., если достойна того нравственно, всем равна, равна королям».

Весьма характерны для Достоевского его записи о русских женщинах в рабочей тетради 1876 года.

«...в женщинах наша надежда».

«Подъем в запросах, в женщинах особенно».

«Жаль, что женщина слаба, уста ет, не выносит разочарования. Ценят все более свежее чувство, живое слово, а главное и выше всего искренность».

«Дневник писателя» сблизил меня с женщинами. Я получаю письма и вопросы: о том, что делать? ...Дышат такой искренностью, глубоко серьезное явление».

Эти свои записи Достоевский в переработанном виде использовал в майской книжке «Дневника писателя» за 1876 год:

«...В каждой высшее образования она [русская женщина] проявила серьезность, терпение и представила пример величайшего мужества. «Дневник писателя» дал мне средство ближе видеть русскую женщину, я получил несколько замечательных писем: меня, неумелого, спрашивают они: «что делать?» Я ценю эти вопросы и недостаток умения в ответах стараясь искупить искренностью. Я сожалею, что многого не могу и права не имею здесь сообщить».

Говоря далее о «прекрасных чертах сердца» русских женщин, Достоевский пишет: «...ценят они более всего свежее чувство, живое слово, но главное, и выше всего, искренность, а поверив искренности, иногда даже фальшивой, увлекаются и мнелими, и вот это иногда слишком. Высшее образование впереди могло бы этому очень помочь. Допустив искренно и вполне высшее образование женщины, со всеми правами, которые дает оно, Россия еще раз ступила бы огромный и своеобразный шаг перед всей Европой в великом деле обновления человечества».

Этот призыв Достоевского имел, безусловно, немалое значение: два года спустя, в 1878 году, было наконец разрешено открыть в Петербурге «Высшие женские курсы».

В рабочей тетради 1876—1877 годов имеются и другие записи о русских женщинах:

«...женщина есть большая власть».

«Русской женщине некому подражать, да и незачем. А станет кому подражать, то ступит на самую дурную дорогу».

А в той записной книжке Достоевского, которая лежала перед ним в последние месяцы жизни, имеются такие строки:

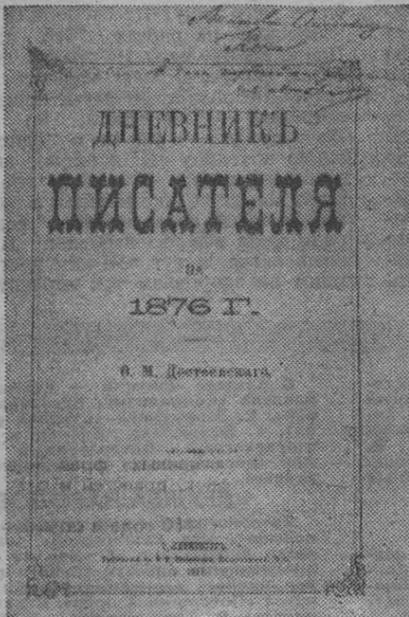
«...Красота дается женщине вначале, чтоб привязать мужчину, ибо нравственная связь еще слаба. Потом и не надо уж красоты, любят женщину, потому что сживутся душами (органическое соединение)».

Свое высокое мнение о русской женщине и сердечное отношение к ней Достоевский выразил по прочтении статьи Н. Н. Страхова «Женский вопрос. Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины»». В этой статье Страхов утверждал, что в России женский вопрос «явление отчасти привозное, отчасти сочиненное», и считал целесообразным ограничить роль русской женщины исполнением обязанностей матери и жены. К тому же в статье Страхов отдавал предпочтение иностранкам. Решительно возражая против такой точки зрения, Достоевский в рабочей тетради завершает свою запись по этому поводу такими словами:

«Закон природы, что своя русская должна нравиться больше... Русская женщина лучше всех».

Таковы лишь некоторые высказывания Достоевского о тех, кого он считал украшением русской земли.

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

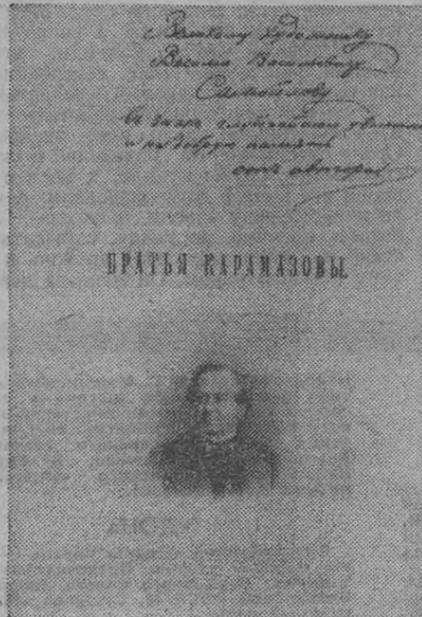

Дарственная надпись Достоевского выдающемуся юристу А. Ф. Кони на «Дневник писателя». 1876 г.:

«Анатолию Федоровичу Кони в знак глубочайшего уважения от автора».

Воспроизводится впервые.

Институт русской литературы, Ленинград.

Дарственная надпись Достоевского знаменитому артисту В. В. Самойлову на романе «Братья Карамазовы» (1881 г.):

«Великому художнику Василию Васильевичу Самойлову в знак глубочайшего уважения и на добрую память от автора».

На шмуцтитуле наклеена фотография Самойлова.

Воспроизводится впервые.
Институт русской литературы, Ленинград.